

— Закрой окно.

На эти слова матери, сказанные с водительского сиденья, Егёль нажал кнопку на ручке и поднял стекло. Хотя тошнота разливалась в груди, он не подавал вида, что ему плохо.

Ему действительно было нехорошо — после того сна, который снова приснился, того самого, которого он не видел так давно.

«Нет — !» — мужской голос прокатился в его голове, и Егёль крепко прижал руки к вискам. Каждый раз, когда этот сон появлялся, за ним следовало что-то ужасное. По всем приметам это был неудачный сон.

И всё же Егёль не мог заставить себя его ненавидеть.

— Давно мы на Восточном море не были, — с улыбкой сказал отец, сидевший на пассажирском сиденье. — Полгода назад, не так ли?

Егёль не присоединился к радостной беседе; он молчал. Родители вспоминали о пряно-острой жареной курице и колбасках из кальмара, что ели на рынке, и о том, как прекрасен был ночной океан. Хотя он сомневался, что сможет уснуть, Егёль решил хотя бы закрыть глаза и притвориться. В конце концов, эта поездка была устроена в честь поступления в колледж — он не хотел портить настроение.

— Хм? Впереди дорожно-ремонтные работы.

Едва отец произнёс эти слова, машина сильно дернулась с громким стуком. Ряд резких звуков штурмовал уши Егёля — тяжёлый хруст металлических частей при столкновении, визг чего-то, что гнулось, рев перегревающегося двигателя.

— А!

Удушливый крик прорвался сквозь хаос, и волна агонии обрушилась на тело Егёля. Его сверхчувствительные ощущения обрушили на него жестокую ясность — едкий запах пылающей плоти и кожи, железный привкус крови, который он однажды уже учуял много лет назад.

Что-то сжимало его грудь; дышать было почти невозможно. Когда ему наконец удалось приподнять голову, он увидел, что рука матери на переднем кресле вывернута в неестественном положении.

Его искажённое видение замылилось кровавыми пятнами.

И сквозь мглу замешательства и шума голоса начали пронзать воздух.

— Эй, я же говорил — не бей так сильно! Что если цель мертва?

— Ты смеёшься? Ты думаешь, выносливость эспера такая же жалкая, как у человека?

Через щель в скомканной двери машины просунулись пальцы. Металл под их прикосновением сгибался, словно мягкая глина.

С резким треском дверь вырвало, и один из эсперов показал себя.

— Видишь? Всё ещё дышит.

Он усмехнулся, уголки рта выгнулись в самодовольной улыбке, будто он гордился проявленным сдержанным.

— У... уби... ух... вы исчезните...

Выражение лица мужчины не изменилось. Его рука потянулась вперёд, сжала Егёля за волосы и вздернула вверх с чудовищной силой — достаточно, чтобы без труда оторвать дверь машины.

Егёль попытался закричать, но звук не вышел. Кожа головы горела, но глубже всех резала боль в запястье — покалывающая боль там, где была вживлена печать, что сдерживала его силы, тихо гудящая, будто готовая вот-вот вырваться наружу.

Каждого несовершеннолетнего эспера связывала такая печать, чтобы подавлять их способности до достижения совершеннолетия. Это было и мерой предосторожности, и юридическим требованием согласно Закону о правах эсперов, принятому после начала феномена Пробуждения. Хотя Егёль уже стал взрослым, его печать всё ещё не была снята. Для него не нашли подходящего гида — ни в Корее, ни в международной базе данных.

— Ты уверен, что этот слабак — тот самый S-ранг, о котором мы слышали?

— Если нет, перережем этому стукачу глотку — в чём проблема? При такой нехватке людей стоит быть благодарным, даже если он всего лишь А-ранг.

Их непринуждённый разговор, словно два покупателя обсуждают продукты, звучал отвратительно нереально.

— У вас... ублюдки, вы думаете, можете...

Губы Егёля едва шевельнулись. Перед ним были те, кто убил его родителей. По какой причине он должен был подчиниться?

Его бледно-карие глаза начали меняться, медленно превращаясь в расплавленное золото. На запястье, где была печать, забегали искры жёлтой молнии.

Это был верный признак безудержной вспышки ярости.

Он чувствовал, как поднимается сила, которую он годами сдерживал — дикая, неконтролируемая. Если раскрыть её без гида, судьба эспера была уже предрешена. Девять из десяти умирали. Один выживший — и то едва. И даже тогда, если его признали нестабильным, его уничтожал ради безопасности.

Но ярость Егёля поглотила разум целиком.

— Если не хочешь умереть, я бы на твоём месте контролировал эту силу, — холодно произнёс один из нападавших.

На нём были чёрные перчатки из какого-то особого материала — очевидно, подготовленные для противостояния тому, кто владеет электричеством. Они знали не только его ранг, но и природу его силы.

Они пришли, зная, что его сила запечатана, — и всё же их предосторожности были безупречны.

— Подумай хорошенько. Будешь сопротивляться — и мы сотрём тебя прямо здесь. Такие, как

ты, всё равно становятся правительственными псами, и тогда десятки таких, как мы, умирают.

У женщины, что произнесла это, на щеке были брызги крови — крови его родителей или, возможно, его собственной. На её лице играла тонкая, как лезвие, улыбка.

И в этой улыбке Егёль понял правду: неважно, собирались ли они похитить его или убить — результат был один и тот же.

— Я же говорил — людей не хватает.

Его удача закончилась.

Это была его первая семейная поездка — первый раз, когда он почувствовал что-то вроде семьи после многих лет неловкого отчуждения между ним и родителями, которые так и не научились смотреть в глаза сыну, пробудившемуся как монстр.

И теперь их больше не было — вырваны из жизни эсперами повстанцами за считанные секунды.

— Люди умирают так легко, — прошептал он. — Я и забыл об этом.

Голос его был странно спокоен — слишком спокоен.

Мир всегда казался ему слишком мирным. Хотя Егёль был пробуждённым, он оставался защищённым подростком; врата, монстры, теракты повстанцев — всё это было для него лишь далекими новостями. Его оберегали — слишком усердно.

А теперь по чёрной полосе на запястье вспыхнули разряды электричества, обжигая кожу. Женщина, державшая его, выругалась на непонятном языке —

И вдруг его зрение ослепительно побелело.

Молния ударила туда, где стояли эсперы. Один раз, другой, и снова, и снова.

— Это — самоподрыв!

Нападавшие слишком поздно поняли, что происходит. Один из них швырнул тело Егёля в сторону — он с грохотом ударился о машину.

Вместо него закричал двигатель. Электричество пронеслось по изуродованному корпусу, сжигая всё, чего касалось.

Пламя и дым поднялись, затмевая взгляд. Что-то густое и тёплое стекало по его лицу — кровь, может быть, слёзы, — но он не отводил глаз от отступающих силуэтов.

Молния вспыхнула на кончиках дрожащих пальцев.

— А-а-а! — раздался приглушённый крик боли, и губы Егёля медленно изогнулись в улыбке.

Молния, преследовавшая врагов, сжигала и его собственное тело, но ему было всё равно. Остаться в сознании — сопротивляться тьме, тянущей в забвенье — было важнее боли.

Это не могло длиться долго. Пламя подбиралось ближе, облизывая металл, кожу.

Смерть уже стояла у его горла.

«Я думал, в этот раз проживу дольше...»

Иронично, но последним образом в его сознании были не лица родителей.

А мужчина из его снов — в изорванных одеждах Куньлуня, с мечом в руке, кричащий его имя:

— Нет! Мой младший брат! Младший брат!

Сможет ли он снова родиться, если умрёт ещё раз?

Это была последняя мысль Егёля, прежде чем он провалился во тьму.

---

— Хааа...

Когда Егёль очнулся, он жадно хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег. Горло жгло, голос осип — звука не выходило.

Он упёрся ладонью в землю и поднял голову.

Он был уверен, что умер на шоссе, но теперь оказался у реки, окутанной туманом. Или это зрение его застилала боль?

Всё вокруг было расплывчатым — но странно знакомым.

Даже сквозь пелену мутности боль ощущалась ясно. Будто невидимая рука вырезала узоры на его теле ножом, снова и снова. Огонь тек по венам — тот же, что вошёл в него, когда взорвался двигатель.

Потом пришёл звон. Визг шин, крики родителей, смех и угрозы повстанцев — всё перемешалось, когтями вцепившись в его сознание.

Если так ощущается последствие вспышки, то, возможно, ликвидация выживших эсперов, проводимая правительством, на самом деле была актом милосердия.

«Эти ублюдки ещё живы?» — мелькнула мысль, и Егёль прикусил губу.

Он никогда раньше не выпускал силу — не знал, насколько она разрушительна.

Может, он их убил. Может, нет.

Как бы то ни было — чувства вины не было вовсе.

Даже он сам знал, что его чувство морали было слишком слабым, чтобы принадлежать современному человеку.

Инструкторы в Центре говорили: «Никогда не причиняй вред людям, даже если сталкиваешься с чудовищами», — но теперь эти слова звучали пусто.

В конце концов, он помнил мир куда более незаконный, чем Корея когда-либо была.

«Пейзаж... выглядит точно как тогда.»

Пытаясь отвлечься от боли, Егёль перевёл взгляд на окутанные туманом окрестности — и застыл.

В том месте, где раньше не было ничего, появилась тень.

«Один из нападавших?» — подумал он инстинктивно, но тут же покачал головой.

Силуэт был слишком изящным, почти текучим.

И, как и сам пейзаж, казался... знакомым.

— Кто... здесь?

Его голос прозвучал уродливо — хрипло, прерывисто, словно ведьма, проглотившая жабу. Даже он сам вздрогнул от того, насколько ужасно это звучало.

Дышать становилось всё труднее; лёгкие были тяжёлыми, будто наполненными водой. Он закашлялся и внезапно выплюнул кровь.

Одна и та же боль повторялась снова и снова — десятки, сотни раз.

Он чувствовал инстинктивно: так будет продолжаться, пока он не умрёт.

Это был не обычный припадок — печать была насильственно разорвана, и отдача разрывала его изнутри.

— Угх...

Сжимая грудь, он задыхался. Вдруг мир померк.

Он не слеп, просто кто-то приближался.

Фигура, что прежде была далеко, теперь выступила из тумана.

— Убей... меня...

Хватаясь за край одежды незнакомца, Егёль взмолился.

Кто бы это ни был — если этот человек мог положить конец его мучениям, он бы почитал его как спасителя.

Если бы только у него был гид... но нет.

Он искал подходящего более десяти лет — безуспешно.

Ни один не появился в этом безжизненном месте.

— Пожалуйста... сжался...

Большинство людей убежало бы, увидев окровавленного незнакомца, умоляющего о смерти. Но этот человек не отступил.

— ...Егёль?

Холодный, знакомый голос произнёс его имя.

Чья-то рука коснулась его лица, мягко приподняв подбородок.

Слишком слабый, чтобы сопротивляться, Егёль распахнул затуманенные глаза.

Звон в ушах стих.

Жжение в венах ослабло.

Боль, будто сдиравшая кожу, понемногу отступила.

Это было словно ветер, умиряющий бурное море, словно капля дождя, падающая на иссохшую землю — чудо, которого он уже не ждал.

По покрытой сажей щеке Егёля скатилась одинокая слеза.

«Гид...»

<http://bllate.org/book/12382/1104346>